

рассказ

Ахат Мущинский

51

Перстень с бирюзой

ВСТРЕТИЛИСЬ в кондитерской Вольфа и Беранже, что на углу Невского и Мойки.

Первым прибыл Пушкин. Вошедши, он снял припорошенный снегом цилиндр, медвежью шубу, взглянул на свои серебряные часы с откидной крышкой – было без пяти четыре.

В ту же минуту за большим окном кондитерской встали парные извозчицы сани, мелькнула чёрная двууголка с

колыхающимся на ветру белым пером, звякнули колокольчики над дверью...

– Как всегда, точен, Медведь*! – воскликнул Пушкин, шагнув навстречу вошедшему офицеру. – Был у Куракина?

– Вот же! – Данзас кивнул на плоский ящик под мышкой правой руки. – Оружейный магазин у него что надо!

* Медведь – лицейское прозвище Константина Карловича Данзаса, боевого офицера, товарища А. С. Пушкина со времён лица, секунданта его на дуэли с Дантесом.

Он хотел раскрыть ящик, чтобы продемонстрировать французские pistols мастера Лепаж со всеми принадлежностями, но Пушкин остановил его:

– На месте посмотрим, Костя, как полагается. Поставь пока...

– Я с Куракиным глянул, конечно, – сказал Данзас, приглаживая усы, – приличный гарнитурчик.

Отстранив гостеприимного «человека» в белых перчатках, Пушкин помог товарищу по лицу, а теперь секунданту предстоящей дуэли снять шинель – левая рука у подполковника была на привязи со времён ранения в плечо под стенами Браилы на Дунае.

Поднялись на второй этаж.

– Чем попотчевать тебя, любезный друг? – спросил Пушкин.

– Вообще странно это... – не слышал Данзас, – странно использовать на дуэли чужое, не пристрелянное оружие.

– Своё-то допотопное, – равнодушно промолвил Пушкин и повторил: – Так что же возьмём, дружище, в этой харчевне?

– Попить, разве что... Чего-нибудь сладенького.

– Сла-а-аденького, – передразнил Пушкин. – Как Машка моя пятилетняя.

Заказали по бокалу клюквенного морсу.

– То ли дело раньше, – весело произнёс Пушкин. – На шпагах, а?!

– Ну да, конечно! В лицее же ты первый фехтовальщик был, лучший ученик Вальвиля!

– Меняются времена... – Пушкин отпил морса.

Он был спокоен. С Данзасом встретился ещё утром, чтобы заранее обговорить все частности предстоящего события и дать денег на дуэльный гарнитур. Затем полдня занимался своим «Современником» и успел написать письмо одному из авторов журнала.

Перед выходом из дома, как солдат перед боем, помылся, облачился во всё чистое, надел белую с крахмаленным воротничком сорочку, сюртук, велел

дядьке подать бекешу, вышел, но вернулся и запросил шубу.

До кондитерской два шага, было не очень холодно, хотя и гулял по небережной задиристый ветер. Когда уже подходил к условленному заведению, подумал: негоже было возвращаться. А вернулся, так надо было всё-таки в зеркало поглядеться. Ну да ладно!

В зале кондитерской пустынно. Только на другом конце в уголке за фikusом уединилась парочка. Друзья потягивали морс, на краю стола лежали европейские и российские газеты, под столом у ног Данзаса покоилось в ящике дуэльное оружие.

Пушкин поцокал по стакану ногтем:

– Пора бы в шампанском ус давно обмочить, а мы тут морсом пробавляемся.

Данзас взглянул на руку товарища, на другую и спросил:

– А где перстень с бирюзой? Тот, золотой, который Нащокин тебе заказал ещё в мае, когда ты у него в Москве гостил?

– Оставил дома, – откинулся на стуле Пушкин. – Мешать будет при стрельбе.

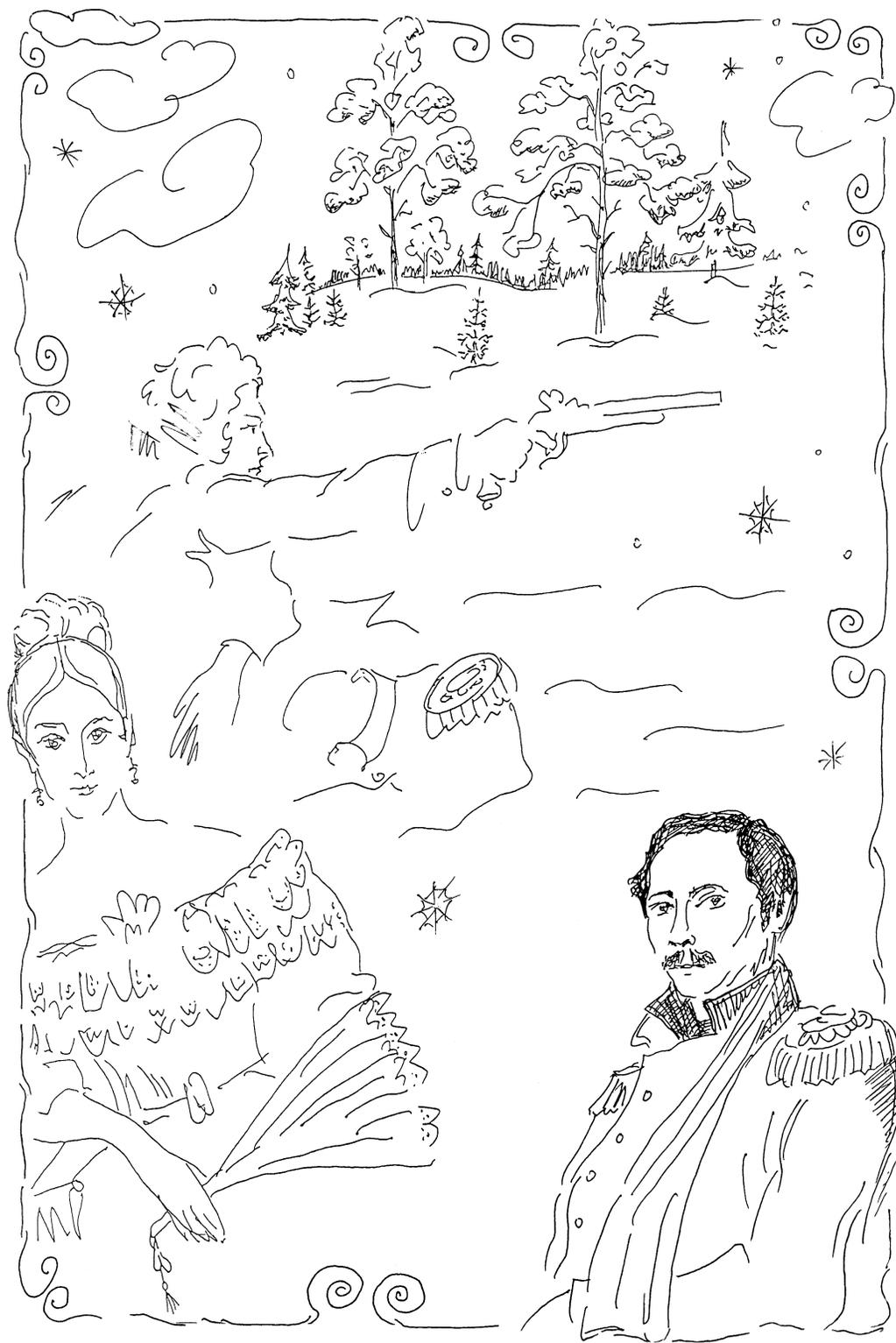
– Так бирюза – она же бережёт от насильственной смерти!

– Предрассудки всё это.

– Кто бы говорил!

Данзас хорошо знал суеверия и предрассудки друга. Они, между прочим, не раз спасали его от различных бед и напастей. Взять хотя бы историю с зайцем, который перебежал ему дорогу из Михайловского в Петербург к готовящим восстание друзьям в декабре 1825-го. Спасибо косому – Пушкин повернул обратно и остался в своей мирной деревне. А то попал бы в самое варёво мятежа на Сенатской площади и потом – или на виселицу, или в Сибирь. Он же там за вдохновителя сошёл бы, ведь у каждого декабрьского повстанца были его «вольности» на руках.

А как он испугался, когда при венчании в церкви Святого Вознесения в Москве сначала, задев аналой, уронил

крест, затем у молодых погасла свеча и, ко всему прочему, при обмене кольцами одно из них упало со звоном и покати-лось прочь. «Всё это не к добру!» – прошептал он тогда, побледнев. А теперь: предрассудки, видишь ли!

Или, помнится, приехала в Петербург известная гадалщица фрау Шарлотта Кирхгоф, высокая ростом старуха лет шестидесяти, сошедшая будто с картин Рембрандта, которая в своё время нагадала Александру I победу в войне с Наполеоном. Так Пушкин, услышав об этом, сразу поспешил с друзьями к ней узнать свою будущую судьбу.

Всего их пятеро было. Пушкин сел за стол к гадалщице третьим. Она разложила карты и воскликнула: «О, вы не как все, человек не простой!» Слова её поразили друзей, поскольку были верны.

Пушкин любил вспоминать то событие. И это происходило не раз и при тех лицах, которые участвовали в гадании, ибо предсказания фрау Кирхгоф один за другим сбывались. Например, она сказала, что он скоро получит немалую сумму денег. И точно: лицейский товарищ Корсаков прислал ему давно забытый карточный долг. То же самое случилось с южной и михайловской ссылками. И не только. Всё исполнялось, как по писаному.

Последнее предсказание о том, что на тридцать седьмом году жизни он может погибнуть от белой лошади или белой головы, Пушкин тоже, казалось бы, весело пересказывал, сам же с тех пор, между прочим, с опаской садился на лошадь, если она белая. А тут, когда перед ним замаячила белая голова кавалергарда, когда запахло дуэлью, зловещее пророчество ворожеи точно выветрилось из сознания, будто он забыл совсем, что ему тридцать семь и что Дантес безоговорочный блондин.

Нет, разумеется, всё это он прекрасно помнил и знал. И трудно поверить, но он сам приближал заключительное предсказание гадалки, то есть свою смерть.

Жена Пушкина была самой красивой на балах у царя, и никто при его дворе не мог с ней сравниться. Она блистала как прима на сцене и немудрено, что у Николая было особое отношение к красавице. А Дантес... Ну что этот кукольный красавчик?! Быть может, он был просто ширмой? Хотя все видели, как он приударял за Натальей Николаевной, а той нравилось, и она на глазах у всего света, в том числе – и мужа, поощряла ухаживания молодого француза. Конечно, со своим названным отцом бароном Геккерном, голландским дипломатом, Дантес далеко зашёл. Но не только он был возмутителем души поэта. Пушкин говорил своему другу Нащокину: «Царь Николай, как офицеришка, ухаживает за моей женою; по утрам по нескольку раз проезжает мимо её окон, а ввечеру, на балах, спрашивает: отчего у неё всегда шторы опущены?» И недаром Николай I пожаловал прославленному поэту придворный чин камер-юнкера, дословно – молодого комнатного дворянина. Это на четвёртом-то десятке лет! И Пушкин, облачившись в тесный мундир с жёстким, стоячим воротником, обязан был являться с женой на императорские балы, где та чувствовала себя звездой на небосклоне, а он заключённым в тюрьме. За три дня до дуэли Пушкин, в разговоре с императором о Натали и светских сплетнях вокруг неё, сказал: «Признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживаниях за моей женою». Можно понять, почему Пушкин искал своей гибели – царя-то на дуэль вызвать он не мог и противостоять ему по жизни никоим образом тоже. «А как же твои дети?» – спросила баронесса Вревская, с которой Пушкин незадолго до дуэли не раз и подолгу беседовал и которую взволновали слова Пушкина о желании смерти. «Ничего, – нервно отвечал поэт, – император обещал о них позаботиться».

Дантес тем временем, позабыв о морсе, продолжал вопрошать:

– Ты же, безоговорочно верящий во всякие обереги, амулеты, талисманы, и оставил бирюзу дома?! А вот все эти

изумруды, сердолики, что теперь на твоих пальцах, не помешают стрельбе?!

– Это тоже талисманы, – вяло оправдывался Пушкин.

– Значит, талисман Лизы Воронцовой с непонятными письменами, подаренный тебе по случаю, что таких у неё была пара, сильнее талисмана нашего друга Нащокина? А ведь он специально для тебя заказывал. И ты в Москве терпеливо дожидался, когда он будет готов. И потом очень бережно к нему относился и верил в его чудодейственную силу.

– Пойдём, пожалуй, – прервал Пушкин, – пора.

Не допив напиток, оба встали. Один раздосадованно, другой, переведя дух: разговор на неприятную тему закончен.

Несмотря на ветер, день был ясный. Сани понесли друзей к Троицкому мосту. И надо же такому случиться, на дворцовой набережной во встречном экипаже Данзас узнал Наталью Николаевну, которая возвращалась с гуляний на горах. Неужели сама судьба мчалась навстречу, чтобы предотвратить бессмысленный поединок? Но нет. Трепетная надежда пролетела мимо также быстро, как неожиданно возникла секунду назад.

Великосветское общество после гуляний создало большое движение на набережной. Данзас специально выбрал этот людный путь. Он надеялся, что кто-то остановит их, предотвратит поединок. О нём же знал весь город, включая царя. Но многие знакомые весело здоровались и проносились мимо. Не видно было и жандармов, которые, бывало, по приказу сверху предотвращали смертоносные дуэли.

Последней из знакомых лиц встретила юная графиня Александра Воронцова-Дашкова. Всегда весёлая, живая, увидев Пушкина с Данзасом, она вдруг изменилась в лице, скинула варежку, потянулась к ним трепетной рукой, будто хотела остановить их. Но быстрые сани в мгновение ока разминулись.

Над Невою Пушкин поднял воротник шубы. Его прищур на ветру не скрывал

ясного взгляда. На середине моста он спросил, шутя:

– Не в крепость ли уж ты везёшь меня, лицейский мудрец*?

– Нет, – ответил Данзас, – через крепость на Чёрную речку. Так короче.

Настроение у дуэлянта было умиротворённое и даже, можно сказать, весёлое, и он не ограничился одной шуткой:

– Дантес, Данзас... – как вы с ним звучны! По фамилиям-то. И оба французцы.

– Француз французам рознь, – ответил скупко секундонт.

В половине пятого почти одновременно с противниками прибыли на место. Ветер усилился. Пошли прятаться от него в сосновую рощу.

Снегу там было по колено, а то и выше. Секунданта Данзас и д'Аршиак протоптали тропу в аршин шириною, обозначили барьеры своими шинелями, между которыми оставили ровно десять шагов.

Пушкин, завернувшись в шубу, сидел на сугробе и безучастно взирал на происходящее. Данзас спросил его, как он находит место поединка. Пушкин ответил:

– Мне решительно всё равно, только, пожалуйста, делайте всё поскорее.

Наконец, пистолеты были заряжены, противники вставили к барьерам. Данзас подал условленный сигнал – махнул своей двууголкой...

Пушкин первым подошёл к барьеру, остановился и начал целиться. Но Дантес выстрелил на ходу**, не дойдя шага до барьера. Как заправский дуэлянт, по всем правилам – на опорной левой ноге и на подъёме правой, подобно фехтовальщику при выпаде, только замедленном.

* Данзас во время учёбы выпускал с Дельвигом рукописный журнал «Лицейский Мудрец». И сам писал для него, и своим каллиграфическим почерком переписывал других, и журнал был поэтому отмечен надписью «Печатано в типографии Данзаса».

** Выстрел на ходу условиями поединка не воспрещался.

Пушкин упал лицом вперёд на шинель, служившую барьером. Пистолет выпал из его руки в снег. Он был ранен. Пуля раздробила крестцовую кость и вошла в правую часть живота.

Когда все бросились к нему, и Дантес тоже шагнул было, Пушкин приподнялся и произнёс в сторону противника по-французски:

– Погодите! Я чувствую достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел.

Данзас подал Пушкину другой пистолет, поскольку дуло первого было забито снегом.

Кавалергард стал боком и прикрыл грудь рукой, удлинённой пистолетом вверх стволом.

Полулёжа, упёршись на левую руку, Пушкин прицелился и выстрелил. Он был хорошим стрелком. Бывало, в Кишинёве узоры на потолке выписывал, стреляя с кровати хлебным мякишем.

Дантес дёрнулся и повалился спиной в снег.

Пушкин воскликнул:

– Bravo!

И снова без сознания опустил голову на шинель.

Но Дантес не был убит – пуля прошла ему мякоть руки и попала в медную пуговицу на груди, продавив два ребра. Однако удар был такой силы, что противник не устоял на ногах.

Придя в себя, Пушкин спросил:

– Убил я его? – И услышал в ответ: – Только ранил.

– Странно, – сказал Пушкин. – Впрочем, всё равно. Как только мы поправимся, снова начнём.

Меж тем кровь из раны заливала снег.

Как Данзас довёз раненого Пушкина до дому, один Бог знает!

Сначала он с помощью д'Аршиака вынес друга на дорогу к саням. Общими усилиями усадили его в них, и извозчик повёл лошадь шагом, секунденты последовали рядом пешком. Затем, через полторы версты снежных заносов и ухабов, они переложили Пушкина в карету, присланную Геккерном-старшим, не обмолвившись, чья она. Раненый Геккерн-

младший ехал в своих санях поодаль за ними.

На протяжении всей дороги Данзас прижимал Александра к себе, стараясь как-то сгладить тряскую езду. Больше Пушкин сознания не терял. Он даже принялся вспоминать свои прежние дуэли. А доехав до дома, послал Данзаса вперёд, предупредить жену, что он просто легко ранен. Но разве тут кого обманешь!

Никита Козлов, верный дядька Пушкина с его малолетства, а с некоторых пор камердинер, пронёс истекавшего кровью хозяина в кабинет. По дороге Пушкин спросил:

– Тяжело тебе нести меня? Я ведь теперь уже не маленький.

– Нет, батенька родной, не тяжело, – отвечал Никита.

Ещё в передней их встретили Наталья Николаевна с сестрой Александрой. Бедная Натали, как увидела окровавленного мужа на руках дядьки, так сразу и чувств лишилась. Её подхватила безмолвная сестра, сама побелевшая, как снег.

Данзас помог Никите Тимофеичу уложить Пушкина на диван и побежал за доктором Арендтом, чьими услугами пользовалась семья. Николая Фёдоровича не застал дома, но позвал других врачей. Когда вернулся, Александр Сергеевич был уже переодет в чистое бельё, и больше уж Данзас не покидал его.

Очень быстро дом на Мойке собрал друзей поэта – Жуковского, Вяземского, Тургенева, Даля... Круглые сутки у постели Пушкина, сменяя друг друга, дежурили врачи и друзья, пытаясь облегчить страдания умирающего.

В один момент ночью от нестерпимой боли Пушкин решил застрелиться. Каким образом пара пистолетов в дуэльном ящике оказалась под одеялом страдальца? Но Данзас вовремя прознал ситуацию и забрал оружие.

У врачей главенствовал Николай Фёдорович Аренд, который по своей обязанности должен был ехать с до-

кладом к Николаю I. Перед отъездом Пушкин просил посредника передать государю, чтобы не преследовали его секунданта:

– Просите за Данзаса, за Данзаса, он мне брат!

На выходе из дома Арендт сказал провожавшему Данзасу:

– Штука скверная, он умрёт.

У себя в кабинете Пушкин продолжал испытывать страшные муки. Как ни сдерживал себя, стон его порой разносился по всему дому. Когда боль немного отступала, он приглашал к себе то жену с сестрой Александрой и детьми, то кого-то из друзей. Вызвал и Данзаса. Уединившись, он попросил его взять перо, бумагу и записать под диктовку все свои долги, на которые не было ни векселей, ни заёмных писем.

– Почерк у тебя прекрасный, поймут, как надо.

Данзас сел за ночной письменный столик-секретер у дивана и стал записывать. Перья от волнения ломались, он брал новые, загодя починенные, и опять старался вернуть буквам лицейскую каллиграфию.

– Вот и славно! – прошептал Пушкин, не читая, а только глянув на готовый текст. После непростого труда подписания документа Пушкин велел подать ему из выдвижного ящика секретера шкатулку. Данзас исполнил желание, примостив её, как и просил подопечный, ему на грудь. Пушкин поднял крышку шкатулки, достал золотой перстень с бирюзой:

– Вот же он, драгоценный! А ты переживал.

Данзас ничего на это не ответил.

– Возьми, бирюза покушения на жизнь отводит. Носи и не снимай никогда.

– Благодарю, Александр Сергеич, – ответил Данзас, – я уж не сниму.

Он оставался у смертного одра друга до самого последнего его часа.

Каминные часы в кабинете Пушкина были остановлены Жуковским в 14 часов 45 минут 29 января 1837 года.

* * *

Военный суд приговорил подполковника Данзаса повесить. Он ведь не донёс заблаговременно о готовящемся злом умысле и тем самым допустил совершиться дуэли и убийству. Но тогда надо было повесить и Дантеса. (Его секунданта д'Аршиак к тому времени уехал во Францию.) Вышестоящая инстанция снизила меру наказания – постановила отобрать у Константина Карловича золотую полусаблю, врученную ему за храбрость, и разжаловать в рядовые. Далее приговор смягчился до содержания его в течение двух месяцев в Петропавловской крепости.

Император проявил милосердие – не дал арестовать Данзаса сразу после дуэли и позволил ему оставаться рядом с умирающим другом. Но на прошение Натальи Николаевны, чтобы Данзас проводил тело усопшего до места погребения в Святогорском монастыре без неё, тяжело заболевшей, ответил отказом. Эта честь была предоставлена Александру Тургеневу.

После освобождения из крепости Данзас служил в Петербурге, но недолго и, рассорившись с начальством, по личной просьбе в звании подполковника был отправлен на кавказский театр военных действий. Там он был примером мужества и хладнокровия. В его батальоне служил Михаил Юрьевич Лермонтов. Генерал Раевский в наградных списках особо отмечал храбрость Данзаса. Скоро он стал полковником, и в этом чине задержался до самой отставки. У него даже появилось новое прозвище «вечный полковник».

Дуэль и смерть Пушкина явились неизгладимым потрясением для Константина Карловича. Он корил себя за то, что не смог расстроить поединок, хотя прекрасно знал: малейшим своим шагом к примирению противников обидел бы друга. Да ещё, с кем бы Данзас ни встречался, все начинали расспрашивать о злосчастной дуэли и последних днях поэта. Из весёлого, беспечного

француза и острослова, каким Данзас слыл в лицее, да и после, он превратился в замкнутого, угрюмого человека. Константин Карлович пытался забыть-ся в бесконечных военных походах и сражениях. Похоже, даже искал смерти – вот, быть может, чем объяснялась его порой безрассудная храбрость. Но справедливости ради надо заметить: бесстрашие и неукоснительное следование законам чести отличали Данзаса ещё с лицейских времён. И это со временем никуда не делось.

Однако его едкая прямота и безразличие к житейским вопросам привели его к бедности и одиночеству. Он так и

не обзавёлся семьёй. Сватался к вдове Павла Нащокина, но как-то не сложилось. Умер Константин Карлович в казённой квартире на руках внучатой племянницы.

Генеральские погоны он всё-таки получил при выходе в отставку. А перстень с бирюзой потерял – выронил как-то зимой в боевом походе, когда снимал перчатку. От Пушкина у него осталась разве что памятная записка, в которой поэт просил помочь ему в деле чести, и которая оказалась, вероятно, единственной ценностью, доставшейся племяннице в наследство от любимого дяди.

Январь, 2021

58

